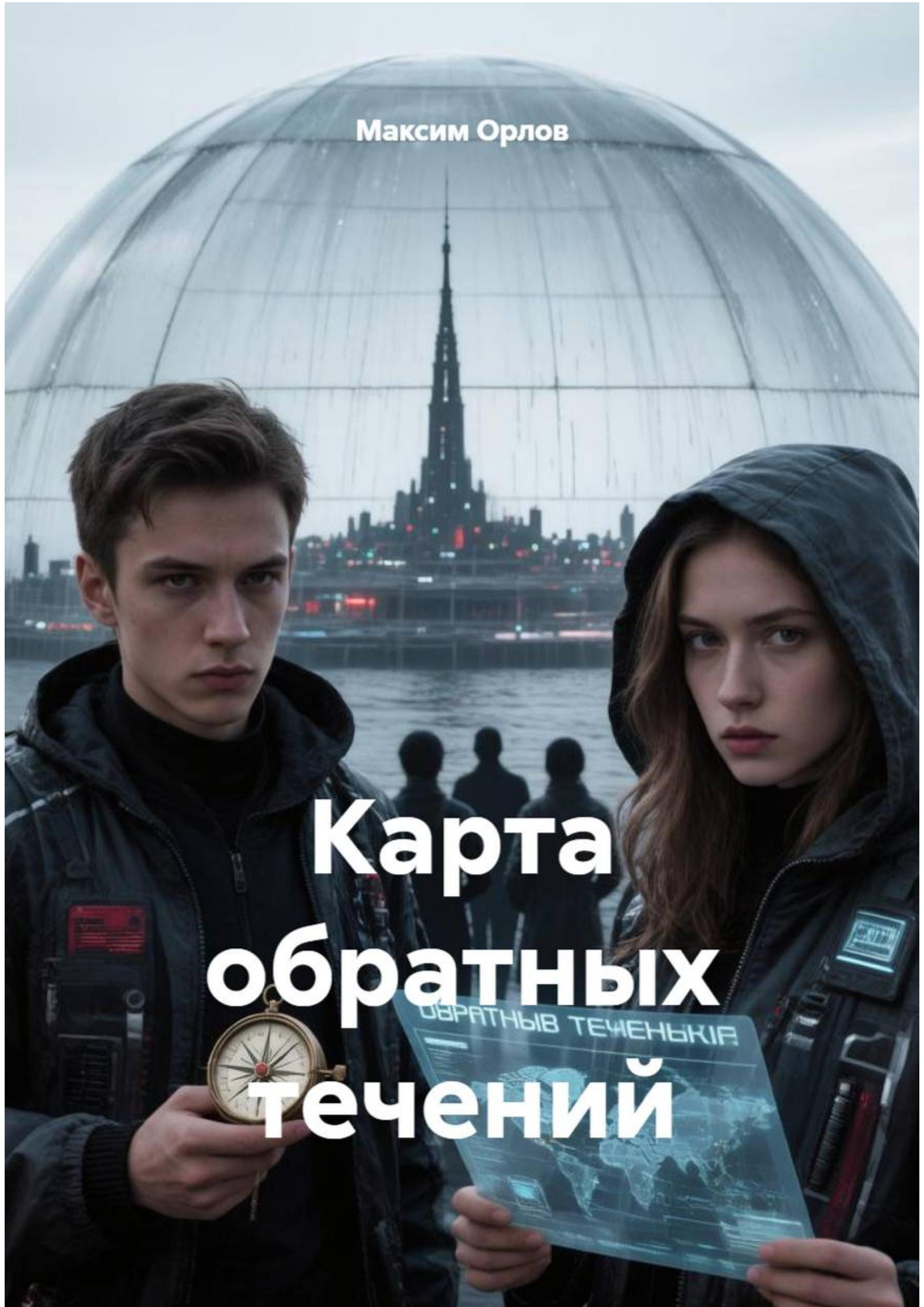

Максим Орлов

Карта обратных течений

ОБРАТНЬІВ ТЕЧЕНЬКІЯ

Максим Орлов

Карта обратных течений

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Карта обратных течений / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Город-остров под куполом — последний ковчег человечества посреди мёртвого океана. Здесь нет звёзд и настоящего дождя, зато есть чёрный шпиль Башни и сигнал на частоте 1,3 Гц — зов Древнего, голодной пустоты, что питается душами. Нейроинженер Алексей и хакерша Алиса, вооружённые старыми компасами и картой «обратных течений», проникают в Башню в ночь Бала Призраков — пира, куда элита приходит за бессмертием, а находит забвение. У них есть двадцать минут, вирус и право выбрать собственную судьбу. «Бал призраков» — вязкий киберпанк-нуар о памяти, свободе и компасе, который всегда указывает путь домой.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Архипелаг теней	5
Глава 1. Частота 1,3 герца	10
Глава 2. Рецепт тишины	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Максим Орлов

Карта обратных течений

Пролог. Архипелаг теней

Мальчик стоял на самом краю обрыва, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в крошащийся, поросший жёстким лишайником базальт. Ветер, прилетевший с бескрайней водной глади, был не просто движением воздуха — это было дыхание самого океана, пахнущее не только солью и гниющими водорослями, но и той самой, почти забытой уже свободой. Тяжёлый, влажный аромат йода и озона после недавней грозы был запахом его дома, запахом настоящего мира, который не имел ничего общего с той стерильной, пластиковой пустотой, что ждала его впереди. Он прижимал к груди единственное сокровище — старый латунный компас с треснувшим от удара стеклом. Стрелка внутри металась по кругу, словно живое, испуганное существо, не в силах найти север в этом первозданном хаосе стихий. Север здесь был везде и нигде. Внизу, у подножия скалы, бился о камни Тихий океан. Он был живым. Он дышал.

Причина их эвакуации была проста и страшна в своей неотвратимости: океан умирал. Не от войны или человеческой глупости — война давно закончилась, оставив после себя лишь радиоактивную пустошь и ядовитые ветра — а от собственной древней ярости, многократно усиленной веками техногенного отравления. Это была агония титана. В тот день горизонт на востоке затягивала мутная, желтовато-серая пелена кислотного шторма. Воздух стал густым и едким, обжигая горло при каждом вдохе так, словно ты пытался дышать расплавленным стеклом. Это была не просто буря. Это был конец эпохи. Конец его детства. Эвакуационные глайдеры появились из-за мыса с надсадным, рвущим душу воем турбин, разрывая вековую тишину первобытного рая визгом чужеродной технологии. Они принесли с собой запах озона и холодного металла — запах тюрьмы. Запах неизбежности. Мальчик смотрел на приближающиеся машины и чувствовал, как внутри него рушится что-то фундаментальное, что-то, что составляло его суть. Он уже тогда понимал то, что станет его проклятием на всю оставшуюся жизнь: любой остров — это тюрьма. Даже если он окружён бескрайним океаном.

Прошлое всегда дышит в затылок.

Десятилетия спустя этот запах — запах озона и стерильного пластика — стал для Алексея Кравцова воздухом, которым он дышал каждый день. Город под куполом был идеальной тюрьмой: гигантский искусственный остров посреди радиоактивной пустыни океана. Здесь не было ветра, пахнущего свободой, и настоящего дождя — только искусственная морось из систем климат-контроля, пахнущая стерильностью операционной и дешёвой медью окислов. Алексей вырос в этом аквариуме для человечества, но так и не стал рыбой. Он остался тем мальчиком на скале, просто теперь его тюрьма была из титана и армированного бетона, а вместо неба над головой нависал многослойный полимерный купол.

Он был нейроинженером-полулегалом — человеком, который чинил чужие мысли за пачку синтетического табака и банку консервированной сои с запахом хлореллы. Его пороком было холодное аналитическое любопытство; он мог часами разбирать сложный сбой импланта просто ради того, чтобы понять механику чужой боли или синтетической эйфории. Его тайной страстью было стремление разобрать на атомы любую систему — будь то человеческий мозг или городская энергосеть — чтобы понять её истинную природу и найти уязвимость. Он ненавидел Город за его фальшь и безупречность, за вечный полумрак под куполом и за то, что здесь никто никогда не смотрел на звёзды. Но именно эта ненависть заставляла его работать лучше всех легальных техников корпорации «Башня». В стерильных коридорах мегаполиса он был призраком, тенью с острыми глазами хирурга.

Его доброта была странной, почти извращённой для этого мира: он никогда не отказывал в помощи «пустышкам» — людям с начисто стёртой личностью. Он видел их каждый день: они бродили по улицам с пустыми глазами манекенов из старого торгового центра, выполняя простейшие функции биороботов — уборщиков, грузчиков, сортировщиков мусора. Помогать им было опасно (система «Сфера» могла расценить несанкционированное вмешательство как взлом) и абсолютно бессмысленно для любого прагматика Города. Но Алексей просто не мог пройти мимо их пустых глаз. В их стеклянном взгляде он видел отражение того самого мальчика на скале — вырванного из дома, лишённого прошлого и брошенного в новую клетку.

Настоящее всегда пахнет озоном.

В тот вечер его пальцы привычно скользили по холодному металлу вскрытого нейроимпланта «Сфера-9». В операционной было темно и тихо, лишь голографический экран отбрасывал на его усталое лицо мертвенный синий свет хирургической лампы. Он искал стандартный сбой синаптической связи — типичную ошибку «памяти-призрака», когда фрагмент стёртой личности всплывает в виде фантомной боли или ложного воспоминания. Но вместо этого он наткнулся на аномалию.

На частоте 1,3 герца — частоте глубокого дельта-сна без сновидений, частоте комы и предсмертного забытья — пульсировал сигнал. Он был чужеродным до тошноты, древним как сама материя и абсолютно равнодушным к законам человеческой физики и кибернетики. Это не была передача данных в привычном понимании: ни бинарный код, ни пакетная передача. Это было ритмичное биение чужого сознания, пытающегося синхронизироваться с человеческим мозгом на самом базовом уровне, минуя все фильтры восприятия и защитные протоколы импланта. Это был зов хищника из бездны.

Алексей подключил дешифратор и замер. Из динамиков раздался сухой механический голос, лишённый всякой интонации и эмоций: — ПРИГЛАШЕНИЕ.

Это было не слово даже в человеческом понимании. Это была вибрация самого пространства-времени, от которой по позвоночнику пробежал ледяной холодок первобытного ужаса перед чем-то непостижимым. В ту же секунду имплант в его руках вспыхнул призрачным светом и спроецировал в воздух над столом видение: огромный бальный зал под хрустальным куполом Башни.

Тысячи безликих фигур в звериных масках медленно кружились в танце под музыку, которой не было слышно физически ни одним ухом, но которая звучала прямо в костях черепа резонирующим гулом на частоте 1,3 Гц. Это был сон наяву, кошмарная фреска абсолютного контроля и добровольного рабства.

Алексей отшатнулся от стола так резко, что опрокинул поднос с микроинструментами; они со звоном рассыпались по металлическому полу операционной. Компас на его запястье — тот самый реликт с архипелага — вдруг дрогнул в ответ на эту ментальную атаку. Стрелка перестала метаться в бесполезных поисках севера и замерла неподвижно.

Она указывала своим острым концом не на магнитный полюс планеты. Она указывала куда-то вглубь Города. Туда, где в самом центре искусственного острова возвышалась чёрная игла Башни корпорации «Башня», пронзающая купол и уходящая в свинцовое небо фальшивого горизонта.

В этот момент он понял всё одновременно с кристальной ясностью человека, стоящего на пороге бездны. Прошлое никогда не отпускает; оно лишь меняет форму угрозы с кислотного шторма на невидимый сигнал из мёртвого импланта. И это приглашение принято не им одним.

Где-то там, в переплетении неоновых улиц верхнего города для элиты и мрачных трущоб нижних уровней для obsługi системы «Сфера», Алиса уже получила своё «ПРИГЛАШЕНИЕ». И их островная тюрьма вот-вот превратится из места заточения в сцену для Бала Призраков.

Компас всё ещё лежал на столе операционной рядом с мёртвым имплантом «Сфера-9». Алексей смотрел на него несколько минут, пытаясь унять бешеное сердцебиение и выровнять

дыхание. Латунь потускнела от времени и пота тысяч прикосновений к коже матери, к его собственной коже. Трещина на стекле напоминала разлом в леднике — тонкая линия разлома реальности, за которой скрывается бездна космического холода. Он взял его в руки снова. Металл был тёплым от его ладони. Стрелка больше не дрожала хаотично. Она была мертва для этого мира искусственных магнитных полей Города-острова, но жива для того сигнала.

Он вспомнил мать. Она умерла здесь, в Городе-тюрьме, через три года после эвакуации с архипелага. Её лёгкие просто отказались работать в стерильном воздухе купола после того чистого ветра свободы архипелага. Она ушла тихо, во сне, задохнувшись во сне без права на последний вдох океанского бриза. Перед смертью она вложила ему в руку этот компас. — Он не покажет тебе север здесь, Лёша... — прошептала она тогда слабым голосом, пахнущим лекарствами из нижнего яруса клиники для бедных. — Здесь нет севера. Здесь есть только Башня... Но он всегда будет показывать тебе дом. И он покажет тебе путь *оттуда*. Она так и не сказала точно — откуда именно нужно искать путь. Алексей думал долгие годы после её смерти (он помнил её похороны под куполом: ни земли для могилы, ни дождя), что она имела в виду смерть или безумие Города-тюрьмы. Теперь он понимал иначе.

Сигнал на частоте 1,3 Гц пульсировал в его сознании даже после того, как он отключил дешифратор и выдернул нейрошунт из порта импланта. Это была не запись мертвого человека или сбоя программы «Сферы». Это был маяк живого разума. Древнего разума. Алексей закрыл глаза и попытался проанализировать структуру сигнала математически через нейроинтерфейс своего собственного импланта (примитивной модели «Крот-2»). Это было невозможно. Человеческая математика здесь была бессильна перед геометрией чужого сознания. Это было похоже на попытку измерить объём океана чайной ложкой или сосчитать песчинки на пляже с помощью логарифмической линейки: задача не просто сложная — она находилась за пределами человеческого восприятия.

Ему стало невыносимо душно в этой стерильной комнате-камерке своей подпольной клиники с запахом озона от работающей аппаратуры для перепрошивки мозгов и дешёвого пластика стен (пластик пах химией). Ему нужен был воздух. Настоящий воздух или хотя бы иллюзия свободы под куполом Города-острова.

Он вышел на улицу через чёрный ход клиники (дверь скрипнула петлями), спустился по пожарной лестнице (металл гулко отзывался на каждый шаг) на уровень ниже (промышленная зона) и оказался в лабиринте технических тоннелей и переулков нижнего города (уровень D). Здесь пахло иначе: озоном всё ещё отдавало от силовых кабелей над головой (высоковольтные магистрали), но к нему примешивался запах мокрого бетона (вечная сырость), машинного масла (протекающие гидроприводы) и чего-то органического — гниющих отходов из нижних коллекторов системы жизнеобеспечения купола (канализация).

Он шёл бесцельно по узкому коридору между глухими стенами складов-холодильников (температура +4), сжимая компас в кармане куртки так сильно (ткань натянулась), что края латунного корпуса больно впивались в ладонь через ткань (металл охлаждал кожу). Сигнал пульсировал в такт его шагам или это его сердце билось в такт сигналу? Он уже не мог отличить одно от другого.

Ритм стука «пустышки» эхом отдавался у него в голове.

Он вышел к одной из обзорных площадок для туристов верхнего яруса (зона А-7) — той самой части купола (поликарбонатное стекло толщиной 2 метра), которая была прозрачной для имитации дневного света (хотя сейчас стояла искусственная ночь). Алексей прижался лбом к холодному бронестеклу купола (стекло запотело от дыхания) и посмотрел вверх.

Там не было звёзд. Там никогда не было звёзд над Городом-островом. Вместо них по внутренней поверхности купола ползли гигантские голографические проекции облаков или просто ровное серое свечение имитированного неба (световой шум). Но сегодня оно казалось ему особенно фальшивым.

И вдруг он увидел её.

На противоположной стороне улицы-площади стояла девушка в тёмном плаще с глубоким капюшоном (ткань поглощала свет), скрывающим лицо почти полностью (тени). Она стояла неподвижно посреди хаотичного движения толпы «верхнего» города — элегантных менеджеров среднего звена («белые воротнички») и их кибернетически модифицированных спутниц (сверкающие хромом импланты) — как чёрная скала посреди бурной реки светских бесед («новый контракт», «повышение Гайджера») и беззаботного смеха.

Она смотрела прямо на него. Алексей не видел её глаз под тенью капюшона (глубокая тень), но он чувствовал этот взгляд физически — как прикосновение холодного металла к коже на затылке (мурашки). Она знала о сигнале 1,3 Гц? Она тоже получила «ПРИГЛАШЕНИЕ»?

Девушка медленно подняла руку к капюшону (движение было плавным) и слегка поправила его движением настолько выверенным и нечеловечески плавным (отточенным), что у Алексея по спине пробежал холодок похлеще того, что вызвал голос из импланта («ПРИГЛАШЕНИЕ»). А затем она сделала то, чего он никак не ожидал: она подняла руку ладонью вверх к небу-куполу.

В её ладони лежал точно такой же компас.

Это не могло быть совпадением. Это был ответный сигнал. «Я вижу тебя». «Я знаю». «Я жду».

Девушка опустила руку и растворилась в толпе так же бесшумно и незаметно (как призрак), как появилась («Сфера»? Нет). Алексей остался стоять у стекла купола один на один со своим ужасом («Древний») и пониманием неизбежности происходящего («Бал»).

Компас в его кармане начал едва заметно вибрировать сквозь ткань куртки («резонанс»). Стрелка внутри него пришла в движение снова («активность»), но теперь она указывала не просто на Башню как абстрактный ориентир центра Города («цель»). Она указывала направление движения толпы внизу («вектор») — туда же («след»), куда ушла девушка-незнакомка («Алиса») с таким же компасом как у него («связь»).

В этот момент мозаика сложилась окончательно в сознании Алексея Кравцова без всяких цифр: Сигнал 1,3 Гц был ретранслятором воли Древнего разума («Паразит») — сущности настолько чуждой человеческому пониманию («Хаос»), что её природа выходила за рамки физики этого мира; «пустышки» были не побочным продуктом сбоя системы «Сфера» («Очистка»), а жертвами первой волны этого вторжения («Жатва») — их личности были высосаны этим Древним для поддержания своего существования; Бал Призраков был не светским раутом для элиты Города-острова ради мифического бессмертия (хотя Гай наверняка скармливал им эту ложь), а цикличным ритуалом массового кормления этой сущности; а эвакуация с архипелага много лет назад тоже могла быть частью этого плана по сбору «урожая». Их маленький остров был лишь одним из многих инкубаторов?

Компас вибрировал всё сильнее («призыв»), словно требуя действия («вперёд»). Алексей вытащил его из кармана («металл нагрелся»). Стрелка дрожала как сумасшедшая («паника»), но её острие было направлено чётко вниз по улице («вниз») — вслед за девушкой с капюшоном или навстречу тому месту под куполом Башни-гвоздя («Башня»), где сегодня ночью начнётся Бал Призраков («пир»).

Он посмотрел на свой компас ещё раз — на эту бесполезную латунную игрушку из мёртвого мира прошлого («архипелаг») — а затем перевёл взгляд на толпу внизу («море»).

Любой остров — это тюрьма? Да. Но любая тюрьма имеет уязвимости: вентиляционные шахты («технический уровень»), технические тоннели... пути отхода для тех немногих заключённых («мы»), кто ещё помнит вкус свободы или готов за неё бороться.

Стрелка компаса замерла окончательно («решение»). Выбор был сделан за него самой судьбой или тем Древним разумом на частоте 1,3 Гц? Не важно. Алексей Кравцов сунул компас обратно в карман куртки плотнее обычного человека суёт за пазуху пистолет перед опасной

делкой («готовность») и шагнул прочь от обзорной площадки прямо в толпу празднующих горожан верхнего яруса Города-острова.

Он шёл вперёд, не оглядываясь, чувствуя, как тяжесть старого компаса бьётся о бедро при каждом шаге. Словно второе сердце, он отсчитывал последние часы до начала конца этой долгой эпохи изоляции под куполом. Над головой нависала свинцовая тяжесть искусственного неба, а под ногами, в толще бетона и стали, пульсировал невидимый ритм — 1,3 герца. Частота комы. Частота призыва.

Где-то там, за горизонтом из стали и полимеров, лежал настоящий архипелаг его детства. Ждущий возвращения своих блудных сыновей. Чтобы показать им, что такое настоящая свобода. Без страха перед кислотными штормами. Потому что шторм уже здесь. Он не снаружи. Он внутри каждого жителя этого проклятого острова-тюрьмы. Он в пустых глазах «пустышек», в стерильном воздухе верхних ярусов и в беззвучном гуле Башни, пронзающей небо.

Любой остров — это тюрьма? Да. Но любая тюрьма имеет уязвимости. Вентиляционные шахты, технические тоннели... пути отхода для тех немногих заключённых, кто ещё помнит вкус свободы или готов за неё бороться.

Стрелка компаса замерла окончательно. Выбор был сделан. Не им. Не Древним на частоте 1,3 герца. Выбор был сделан самим Городом, который решил пожрать своих детей на Балу Призраков.

Алексей Кравцов сунул компас обратно в карман куртки — плотнее, чем обычный человек съёт за пазуху пистолет перед опасной сделкой. Оружие было здесь бесполезно. Против этого врага нужны были другие инструменты: вирус-деструктор в руках Алисы и знание слабых мест системы в его собственной голове.

Он шагнул прочь от обзорной площадки прямо в толпу празднующих горожан верхнего яруса Города-острова. Он шёл навстречу Башне-тюрьме. Сегодня ночью он собирался найти её главную уязвимость. Вместе с той девушкой. С Алисой. У которой есть такой же компас, как у него.

Вместе они найдут способ уничтожить ретранслятор. Потому что иногда, чтобы выбраться из тюрьмы, нужно сначала разрушить саму тюрьму до основания. А потом... потом построить лодку. Чтобы уплыть туда, где горизонт чист, а чужой сигнал больше никогда не потревожит твой сон.

Потому что любой остров перестаёт быть тюрьмой, когда сам решаешь, куда плыть.

А сейчас ему нужно было успеть подготовиться. Потому что время Бала Призраков пришло. А значит, времени на сомнения больше нет. Есть только частота 1,3 герца. Стук пустой головы о столб. Пульсирующий зов древнего разума. Который скоро утонет навсегда под настоящим дождём. Под тем дождём, который прорвётся сквозь истончившийся купол, когда ретранслятор будет уничтожен...

Он шёл вперёд не оглядываясь чувствуя как тяжесть старого компаса бьётся о бедро при каждом шаге словно второе сердце отсчитывающее последние часы до начала конца этой долгой эпохи изоляции под куполом над радиоактивным океаном где-то там далеко за горизонтом лежал настоящий архипелаг его детства ждущий возвращения своих блудных сыновей чтобы показать им что такое настоящая свобода без страха перед кислотными штормами потому что шторм уже здесь он внутри каждого жителя этого проклятого острова-тюрьмы...

Отлично. Пишем первую главу в том же ключе — плотный, вязкий поток сознания, где сцены у Доктора и встреча с Алисой становятся двумя опорными точками. Сохраняем вашу манеру: минимум цифровых структур, максимум сенсорного погружения.

Глава 1. Частота 1,3 герца

Запах озона ввёлся в стены его каморки так глубоко, что, казалось, им пропиталась даже старая фланелевая рубашка, которую он не снимал третьи сутки. Алексей Кравцов сидел над вскрытым имплантом, уперев локти в металлический край операционного стола, и смотрел на голографический экран дешифратора отсутствующим взглядом человека, который только что заглянул в колодец и увидел там не воду, не отражение собственного лица, а нечто, чему у него пока не было названия. Экран транслировал один и тот же пакет данных, закольцованный, как старая магнитофонная лента с записью чужого голоса: ПРИГЛАШЕНИЕ. ПРИГЛАШЕНИЕ. ПРИГЛАШЕНИЕ.

Он отключил звук, но слово продолжало пульсировать где-то на границе восприятия — не слухом, а той самой костной проводимостью, которой древние люди слышали приближение хищника задолго до того, как его можно было увидеть. Частота 1,3 герца. Глубокий дельта-сон без сновидений. Частота комы. Частота, на которой мозг перестаёт быть собой и становится просто влажной электропроводящей тканью, открытой для любого сигнала извне.

Алексей потёр переносицу тыльной стороной ладони, испачканной в машинном масле и чем-то похожем на старую кровь. Он не спал вторые сутки, и перед глазами уже плавали те характерные полупрозрачные пятна, которые нейрофизиологи называют «усталостными артефактами зрительной коры», а обычные люди — просто «мушками». Но он знал, что эти пятна — не просто усталость. Они складывались в узоры. В ритмичные, повторяющиеся фигуры, отдалённо напоминающие силуэты танцующих людей с головами животных. Он гнал от себя эту мысль, но она возвращалась, как возвращается боль в старом переломе перед дождём.

Дождь здесь никогда не шёл. Здесь вообще ничего не шло — всё стояло. Стоял воздух под куполом, стояла вода в резервуарах, стояла жизнь миллионов людей, запертых в гигантском аквариуме посреди мёртвого океана. Иногда ему казалось, что даже время здесь течёт иначе — не линейно, от прошлого к будущему, а циклично, как стрелка его старого компаса, которая годами не могла найти север, но теперь вдруг ожила и указывала куда-то в самое сердце Города.

Он вытащил компас из нагрудного кармана. Латунь была тёплой от тепла его тела, но стрелка больше не дрожала. Она замерла, указывая на северо-восток — туда, где над ржавыми крышами нижних уровней возвышался чёрный шпиль Башни. Шпиль, который всегда казался ему архитектурной деталью, символом корпоративной власти, чем угодно ещё, но не тем, чем он оказался на самом деле.

Антенна. Ретранслятор. Маяк для того, что спало где-то в глубине, и теперь просыпалось.

Алексей сунул компас обратно в карман и потянулся к пачке синтетического табака, но пачка была пуста. Он смял её в кулаке и бросил в угол, где уже скопилась небольшая гора такого же мусора — пустые контейнеры из-под соевой лапши, использованные картриджи для нейрошунтов, сломанные микроманипуляторы. Его жилище напоминало логово зверя, который готовится то ли к зимней спячке, то ли к последнему бою.

Он знал, что нужно идти к Доктору. Знал с того самого момента, как дешифратор выдал первое «ПРИГЛАШЕНИЕ». Доктор был единственным человеком в Городе, кто мог объяснить происходящее без корпоративной лжи и технического жаргона, за которым обычно прячется полное отсутствие смысла. Но идти к Доктору означало признать, что всё это — не сбой, не вирус, не коллективная галлюцинация, а нечто иное. Нечто, во что Алексей, со всем своим холодным аналитическим умом, отказывался верить до последнего.

Он поднялся, накинул куртку и вышел в коридор, даже не заперев дверь. Воровать у него всё равно было нечего — всё ценное, включая его собственную жизнь, теперь помещалось в маленький латунный кружок с треснувшим стеклом.

Госпиталь психокоррекции располагался на стыке среднего и верхнего ярусов — в так называемой «серой зоне», куда не добирались ни патрули корпоративной безопасности, ни банды нижних уровней. Это было старое здание с облупившейся краской на стенах и запахом, который навсегда въелся в бетон: смесь карболки, старости и ещё чего-то неуловимого, что Алексей про себя называл «запахом отчаяния». Здесь лечили тех, кого корпорация списала со счетов, — неудавшиеся самоубийцы с верхних ярусов, хакеров, выгоревших в Сети, и, конечно, «пустышек». Последних становилось всё больше, и персонал госпиталя уже не справлялся, просто складировав их в палатах на нижнем этаже, как бракованные детали на складе.

Доктор принял его в своём кабинете — небольшой комнате с голографическим камином, который был единственным источником тепла и света. Настоящего огня в Городе не видели уже много лет: открытое пламя было запрещено из-за системы климат-контроля. Доктор сидел в старом кожаном кресле, укрыв ноги пледом, и смотрел на искусственные языки пламени с выражением, которое Алексей не сразу смог расшифровать. Это была не усталость. Это была скорбь.

— Вы получили приглашение, — сказал Доктор вместо приветствия. Это был не вопрос.

Алексей сел на стул напротив, не спрашивая разрешения. Он слишком устал, чтобы соблюдать формальности.

— Откуда вы знаете?

Доктор медленно закатал рукав своего халата. На внутренней стороне предплечья, там, где кожа была тонкой и бледной, пульсировал бледно-голубой знак — татуировка-имплант, которую Алексей видел лишь однажды, на теле мёртвого инженера из верхнего сектора. ПРИГЛАШЕНИЕ.

— Потому что я тоже его получил, — сказал Доктор. — Пятьдесят семь лет назад.

В камине что-то щёлкнуло — имитация горящего полена. Алексей молчал. Он знал, что старик не нуждается в вопросах. Ему нужно было просто выговориться, и он делал это сейчас с той особой, выверенной интонацией человека, который слишком долго держал знание в себе и наконец получил шанс передать его другому.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам природу сигнала, — продолжал Доктор, не глядя на Алексея. — Частоту, модуляцию, источник. Вы — инженер, вы привыкли думать в терминах физики. Но я не стану вам этого объяснять, потому что физика здесь бессильна. То, что передаёт этот сигнал, существует не за пределами нашей галактики и не в параллельном измерении, как пишут в дешёвых романах. Оно существует за пределами самого бытия. Это не разум в том смысле, в каком мы понимаем разум. Это — голод. Чистый, бесформенный, до-материальный голод, который мы, люди, по своей наивности, пытаемся описать через наши жалкие категории: монстр, бог, паразит. Но это не монстр. Монстру можно противостоять. Монстра можно убить. А это... — он сделал паузу, подбирая слова, — это можно только принять. Или попытаться обмануть.

— Обмануть, — повторил Алексей. — Каким образом?

Доктор повернулся к нему, и Алексей впервые увидел его глаза по-настоящему. Они были светлые, почти прозрачные, и в них стояла такая глубокая, такая древняя усталость, что на мгновение ему показалось, будто он смотрит не на человека, а на саму историю этого Города, запертую в старом теле.

— Безумие, — сказал Доктор. — Единственный способ сохранить разум в этом мире — это вовремя сойти с ума. Вы понимаете, о чём я?

Алексей не понимал. И, судя по выражению лица Доктора, тот этого ожидал.

— Когда я был молодым врачом, — продолжал старик, — меня учили, что шизофрения, паранойя, диссоциативное расстройство — это болезни. Полочки. Сбои нейронных сетей. Но чем дольше я работал с «пустышками», тем яснее понимал: их разум не сломан. Он украден. Высосан. А те, кто сходит с ума, — они не теряют разум. Они прячут его. Уводят в такие

глубины подсознания, куда сигнал Древнего не может пробиться. Я видел пациентов, которые бормотали бессвязные слова, рисовали на стенах палаты какие-то невообразимые узоры, утверждали, что они — это не они, а кто-то другой... и знаете что? Ни один из них не стал «пустышкой». Ни один. Сигнал не может синхронизироваться с расщеплённым сознанием. Ему нужна целостность. Структура. Личность, которую можно высосать до дна, как яйцо. А безумец — он как разбитое зеркало. Сколько ни пытайся, отражения не получишь.

Доктор замолчал. Голографический камин тихо потрескивал, отбрасывая на его лицо оранжевые блики.

— Вы поэтому синтезировали сыворотку? — спросил Алексей. — Чтобы искусственно расщепить сознание перед контактом с сигналом?

— Сыворотка — это костыль, — ответил Доктор. — Она временно нарушает целостность альфа-ритмов, делая мозг «нечитаемым» для Древнего. Но это не лечение. Это отсрочка. На двадцать минут. Может, на полчаса. А потом действие заканчивается, и вы снова становитесь... съедобным. — Он горько усмехнулся, и в этом смешке было больше боли, чем в ином крике. — Я потратил пятьдесят лет на изучение этого сигнала. Пятьдесят лет я пытался найти способ остановить его. И единственное, что я нашёл, — это безумие. Добровольное, контролируемое безумие как форма самозащиты. Разве это не ирония? Мы построили Город, чтобы спастись от хаоса внешнего мира, а теперь вынуждены культивировать хаос внутри себя, чтобы спастись от того, что пришло извне.

Алексей долго молчал, переваривая услышанное. Потом спросил:

— А Бал? Бал Призраков — это что? Ритуал? Кормление?

Доктор кивнул.

— Элита Города думает, что заключает сделку. Вечная жизнь в обмен на несколько часов танца в звериных масках. Гай, директор-распорядитель, лично отбирает гостей. Он обещает им бессмертие в цифровой форме. Загрузку сознания в Сеть. Но никакой загрузки нет. Есть только поглощение. Те, кто танцует на Балу, не возвращаются. Их личности растворяются в Древнем, становятся частью его... — он снова запнулся, подбирая слово, — его меню.

— Почему элита соглашается?

— Потому что они видят «пустышек» каждый день. Они знают, что рано или поздно сигнал доберётся и до них, если они не заключат сделку первыми. Гай убедил их, что добровольное участие в Балу — это пропуск в вечность. Они не знают, что это просто другой способ быть съеденным. Более быстрый. Менее мучительный, возможно. Но результат тот же.

Доктор поднялся с кресла — медленно, с трудом, опираясь на подлокотники. Подошёл к старому письменному столу и выдвинул ящик. Достал оттуда небольшой флакон с мутной жидкостью, ключ-карту с выгравированным гербом Башни и тонкий планшет с данными.

— Вот, — сказал он, протягивая всё это Алексею. — Сыворотка. Ключ доступа к техническим тоннелям. И вирус, который я разрабатывал последние тридцать лет. Он не убивает Древнее — убить его невозможно. Но он может разрушить ретранслятор. Ту самую антенну, через которую сигнал поступает в Город. Если вы уничтожите её, канал закроется. Древнее останется там, где оно есть — за гранью. Голодное, злое, но бессильное. По крайней мере, на какое-то время.

Алексей взял флакон и повертел его в пальцах. Жидкость внутри была мутной, с зеленоватым оттенком — как старая морская вода.

— Почему вы сами этого не сделали? — спросил он.

— Потому что я стар, — просто ответил Доктор. — И потому что я уже однажды получил приглашение. Я знаю, что происходит с теми, кто входит в Башню в ночь Бала. Мой разум... он уже начал резонировать с сигналом. Я чувствую его каждую ночь, здесь, — он прижал пальцы к виску. — Как далёкий вальс. Как зов. Если я войду туда, я не смогу сопротивляться. А вы

— вы пока ещё целы. Ваше сознание ещё не настроено на частоту 1,3 герца. Вы можете войти и выйти.

— Вы уверены?

Доктор посмотрел на него долгим, изучающим взглядом.

— Нет, — сказал он. — Но я надеюсь.

Он нашёл её на уровне D, как и ожидал.

Технический сектор нижнего города был лабиринтом из ржавых труб, гудящих трансформаторов и вечно капающей откуда-то воды. Капля срывалась с потолка каждые четыре секунды — Алексей машинально засёк ритм, и этот ритм почему-то совпадал с пульсацией сигнала в его голове. Кап-кап-кап. 1... 2... 3... ПРИГЛАШЕНИЕ. Кап-кап-кап.

Она стояла возле старого распределительного щита, наполовину скрытая тенью от массивной трубы парового отопления. Капюшон был откинут — она явно ждала его. Лицо острое, с резкими скулами, какие бывают у людей, привыкших к постоянному недоеданию и нервному напряжению. Но глаза — глаза были живые. Цепкие. Опасные.

В руке она держала компас. Точно такой же, как у него.

— Ты шёл за мной от самой обзорной площадки, — сказала она вместо приветствия. Голос был низкий, с хрипотцой. — Не умеешь следить. Слишком громко дышишь.

— Я не пытался следить, — ответил Алексей. — Я пытался понять.

— Что именно?

— Почему у тебя такой же компас.

Она чуть заметно усмехнулась — уголком губ, без тепла.

— Может, потому что мы из одного места? — Она сделала паузу, и в этой паузе повисло всё: гул трансформатора за стеной, капанье воды, шорох крысы где-то в темноте. — Архипелаг. Тихий океан. Двадцать лет назад. Тебе это о чём-то говорит?

Алексей почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось — тонкая нить, связывающая настоящее с прошлым, которое он считал навсегда похороненным под куполом Города.

— Мой архипелаг эвакуировали из-за кислотного шторма, — сказал он медленно. — Я был ребёнком. Думал, что выжили только мы.

— Выжили не только вы, — ответила она. — Мой отец был капитаном эвакуационного глайдера. Он сделал три рейса между островом и Городом, пока шторм не накрыл всё окончательно. В последний рейс он взял меня с собой. Мне было пять. Я помню только запах соли и крики. И это. — Она подняла компас. — Он дал мне его перед тем, как исчезнуть.

— Исчезнуть?

— Да. Через три года после эвакуации он пошёл на Бал Призраков. В качестве гостя. Его пригласили — он был из среднего звена, такие иногда попадают в списки Гая, если повезёт или, наоборот, очень не повезёт. Он оставил мне компас и сказал: «Когда стрелка проснётся, иди за ней. Она приведёт тебя либо ко мне, либо к ответам». С тех пор стрелка молчала. До вчерашнего дня.

Вода капала. Трансформатор гудел. Алексей смотрел на Алису и видел в ней отражение самого себя — не в зеркале, а в той кривой, искажённой проекции, какой становится жизнь, когда тебя вырывают из дома и бросают в чужую клетку.

— Ты знаешь, что такое сигнал? — спросил он.

— Догадываюсь, — ответила она. — Древнее. Паразит. Оно питается личностями. «Пустышки» — это его еда. Бал — это пир. Я взламывала архивы Башни последние два года, пытаясь найти информацию об отце. Вместо этого я нашла списки гостей. За последние пятьдесят лет — тысячи имён. Ни один из них не вернулся. И ещё я нашла кое-что другое: план технических тоннелей, ведущих к ретранслятору. Отец, видимо, знал, куда идёт. Знал и всё равно пошёл.

— Зачем?

— Потому что иногда единственный способ выбраться из тюрьмы — это пройти через её центр. — Она убрала компас в карман куртки и шагнула к Алексею. — У тебя есть план? Или ты просто бродишь по городу с компасом и надеешься на чудо?

Алексей достал из кармана ключ-карту и флакон с сывороткой. Алиса посмотрела на них, потом перевела взгляд на его лицо.

— Доктор, — сказала она. Это тоже был не вопрос.

— Да. Он сказал, что сигнал можно заблокировать на время. Что ретранслятор находится в люстре. И что без него Древнее не сможет поддерживать связь с Городом.

— А Бал?

— Сегодня ночью.

Алиса помолчала. Где-то за стеной зашумела вода в трубах — низкий, утробный звук, похожий на дыхание спящего зверя.

— Тогда у нас мало времени, — сказала она. — Я знаю, как попасть в Башню через технический шлюз восточного сектора. Система охраны там старая, я её уже ломала. Но внутри... внутри всё будет иначе. Там сигнал максимальной мощности. Там мы будем как два факела в темноте. Оно почувствует нас сразу, как только мы войдём.

— У нас есть сыворотка. Двадцать минут.

— Двадцать минут, — повторила она. — А потом?

Алексей не ответил. Он не знал, что будет потом. Но он знал другое: мальчик на скале, вцепившийся в старый компас, не для того выжил в кислотном шторме, чтобы закончить свои дни пустышкой в нижнем ярусе Города. И отец этой девушки, капитан эвакуационного глайдера, не для того сделал три рейса между умирающим островом и новой тюрьмой, чтобы его дочь сдалась без боя.

— Потом мы либо выйдем, либо останемся там, — сказал он. — Третьего не дано.

Алиса кивнула. И в этом кивке было больше понимания, чем в любых словах.

Они вышли из технического сектора вместе, шагая в ногу, как двое солдат, которые только что заключили временное перемирие перед общим боем. За их спинами капала вода, отсчитывая ритм: кап-кап-кап. Частота 1,3 герца. Частота приближающегося Бала.

Конец первой главы.

Глава 2. Рецепт тишины

Госпиталь психокоррекции встретил его запахом, который ни с чем нельзя было спутать. Это был не просто запах карболки и старого бетона — это был запах застарелого отчаяния, ввевшийся в стены за пятьдесят лет существования учреждения. Отчаяния, которое не кричит, не бьётся в истерике, а тихо лежит на койках, глядя в потолок пустыми глазами, и ждёт, когда придёт санитар с очередной порцией нейролептиков или когда сигнал на частоте 1,3 герца выпьет остатки личности до дна.

Алексей миновал пост охраны, где сонный дежурный даже не поднял головы от допотопного терминала, и пошёл по длинному коридору, стены которого были выкрашены в тот особенный бледно-зелёный цвет, какой бывает только в государственных учреждениях для ненадёжных. Лампы над головой мерцали в такт каким-то своим внутренним перебоям, и он машинально отметил, что частота их мерцания не совпадает с частотой сигнала — где-то 2,7 герца, почти в два раза выше. Почти безопасно.

Кабинет Доктора находился в самом конце коридора, за двойной дверью с табличкой «Отдел клинических исследований. Посторонним не входить». Табличка была старой, с облупившейся краской, и буквы на ней складывались в слово, которое Алексей прочитал не сразу, а когда прочитал, ощутил холодок в области солнечного сплетения. Кто-то — может, сам Доктор, может, один из его пациентов — подправил буквы так, что теперь они читались иначе: «Отдел клинических сновидений. Посторонним не просыпаться».

Он толкнул дверь и вошёл.

Кабинет был небольшим, но уютным — настолько уютным, насколько вообще может быть уютным помещением в сердце учреждения для душевнобольных. Единственным источником света служил голографический камин, встроенный в стену напротив двери. В нём плясали искусственные языки пламени — голограмма была старой, модели лет двадцать назад, и изображение слегка подрагивало, сбиваясь с ритма, но именно это подрагивание делало её почти настоящей. Настоящей настолько, что Алексею на мгновение показалось, будто он чувствует тепло.

Доктор сидел в старом кожаном кресле, укрыв ноги пледом, который выглядел так, словно его связали ещё до войны. Он не обернулся на звук открывающейся двери, только чуть наклонил голову, как человек, который давно ждал гостя и уже перестал сверяться с часами. В отблесках искусственного пламени его лицо казалось вырезанным из старого пергамента — сухое, в глубоких морщинах, с теми характерными складками у рта, которые бывают у людей, привыкших больше слушать, чем говорить. Но глаза — глаза были живые. Ясные. И в них стояло то особое выражение, которое Алексей видел лишь однажды: у своего деда, когда тот рассказывал ему про обратные течения и про то, что океан никогда не прощает ошибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.